

ПОПАДАНКА С ОСТРЫМ ЯЗЫКОМ

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Попаданка с острым языком

<https://litres.ru/74256592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лея пришла на интерактивный квест, но оказалась в магическом лесу. Выхода нет, а местная Система принимает её колкости за заклинания.

Назвала чудовище ковриком — оно распласталось по земле. Посоветовала магу закрыть рот — и тот лишился голоса. Новый дар кажется забавным, пока необдуманная фраза не оборачивается против того, кого Лея пыталась спасти.

Созданные Леей заклинания навсегда остаются в Системе, а способность придумывать новые Формы делает её угрозой для академий, гильдий и могущественных родов. За ней начинается охота.

Чтобы выжить и найти дорогу домой, Лее придётся отвечать за каждое слово и раскрыть тайну Авторских узлов.

Впереди — опасные приключения, неожиданные союзники, магические неприятности и острые перепалки. Ведь Лея способна победить чудовище одной фразой — а следующей создать себе ещё больше проблем.

«Попаданка с острым языком» — динамичное приключенческое фэнтези с юмором, необычной магией и героиней, которая совершенно не умеет держать язык за зубами.

Содержание

Глава 1. Последняя дверь	6
Глава 2. Очень реалистичный лес	21
Глава 3. Актёр с настоящей кровью	36
Глава 4. Город, которого нет на карте	55
Глава 5. Класс не найден	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Илья Игнатов
Попаданка с
острым языком

ЛИТРПГ • ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ
ПОПАДАНКА С ОСТРЫМ ЯЗЫКОМ

Книга первая

Илья Игнатов

Роман

© Илья Игнатов, 2026

Глава 1. Последняя дверь

Если незнакомый мужчина в чёрном плаще говорит: «За этой дверью прежней жизни для вас больше не будет», — нормальный человек насторожится.

Я спросила:

— А деньги за билет вернут?

Мужчина не улыбнулся. Наверное, по условиям трудового договора ему запрещали проявлять человеческие чувства.

— Вы можете отказаться, — произнёс он тем низким голосом, которым обычно рекламируют дорогие автомобили и конец света. — Но после начала финального испытания пути назад не будет.

— Это вы сейчас атмосферу нагнетаете или пожарный выход действительно заложили кирпичом?

За моей спиной кто-то нервно хихикнул. Нас осталось пятеро: я, высокий парень в круглых очках, семейная пара лет тридцати и девушка, которая с самого начала квеста снимала всё на телефон, хотя ведущий трижды попросил убрать его в шкафчик.

Мы стояли в каменном коридоре. Камень, разумеется, был ненастоящим. На одном из блоков я ещё в первой комнате заметила край вспененного пластика, а факелы горели слишком ровно и ничем не пахли. Но для нового интерактивного квеста декорации выглядели прилично. Особенно

если не вспоминать, сколько стоил билет.

Я попала сюда вместо Насти. Она купила два приглашения на закрытое тестирование «Седьмой двери», а утром написала, что лежит с температурой и умирает. Через десять минут выложила фотографию из салона красоты. Я пожелала ей красивых похорон и пришла одна. Перед началом я успела дважды пожалеть об этом решении.

Первый раз — когда администратор попросила подписать бумагу, где мелким шрифтом перечислялись «яркие световые эффекты, ограничение пространства, полная темнота, кратковременная потеря ориентации и имитация угрозы жизни».

— Имитация точно входит в стоимость? — спросила я. — Не придётся доплачивать за каждую угрозу отдельно?

Девушка за стойкой даже не подняла глаз.

— Если у вас есть заболевания сердца, эпилепсия или панические атаки, участие не рекомендуется.

— А если есть склонность принимать плохие решения?

— Подпись внизу.

Второй раз я пожалела, когда позвонила мама. Она умела звонить ровно в тот момент, когда я собиралась сделать что-нибудь, о чём потом не хотелось рассказывать. В детстве это работало с прогулками по стройке, в пятнадцать — с поездкой на чужой машине, а теперь вот с экспериментальным квестом в подвальном помещении без окон.

— Ты где? — спросила она.

— На культурном мероприятии.

— В театре?

— Почти. Здесь тоже люди в костюмах врут за деньги.

— Лея.

По тому, как мама произносила моё имя, можно было определять уровень надвигающейся лекции. Сейчас был примерно шестой из десяти.

— На квесте я. Настя заболела, билет пропал.

— Одна?

— Тут ещё двадцать человек, три администратора и мужчина, который очень убедительно изображает отсутствие интереса к жизни.

Мужчина в чёрном плаще, стоявший у входа, посмотрел прямо на меня.

Я помахала ему.

— Ты опять уходишь от разговора, — сказала мама.

— Я никуда не ухожу. Стою возле гардероба.

— Я не об этом. Ты обещала решить насчёт учёбы.

— Решу. Как только учебное заведение решит насчёт меня.

— Тебя никто не отчисляет.

— Пока. Но нельзя лишать людей надежды.

Я взяла в колледже академический отпуск месяц назад и с тех пор избегала слова «будущее», будто оно могло настигнуть меня только при зрительном контакте. Мама считала, что нужно выбрать направление, составить план и перестать

подрабатывать в кофейне до ночи. Я считала, что план особенно хорошо выглядит у людей, которым жизнь ещё ни разу не подсунула другую дверь. Как выяснилось, даже эта мысль была опасно самоуверенной.

— Вечером приедешь? — спросила мама.

— Да. Куплю пирог.

— Не покупай. Просто приезжай.

— Мам, со мной всё нормально.

— Я знаю. Но можно иногда отвечать без шутки?

Я открыла рот и не нашла привычной лёгкой фразы, которая закрыла бы разговор.

— Вечером поговорим, — сказала я.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Последний месяц я раздавала обещания щедрее, чем выполняла. Маме — выбрать, куда возвращаться после академического отпуска. Заведующей кофейней — перестать менять смены в последний момент. Себе — хотя бы один вечер провести дома, а не искать занятие, после которого можно прийти слишком уставшей для серьёзного разговора.

В кофейне всё было просто. Человек подходил к стойке, называл напиток, получал стакан и уходил. Если он не знал, чего хочет, я предлагала выбор из трёх позиций и не спрашивала, кем он видит себя через пять лет. За это мне нравилась работа. Не настолько, чтобы назвать её будущим, но достаточно, чтобы прятаться там от необходимости это бу-

дущее выбирать.

За день до квеста заведующая поймала меня возле мойки.

— Ты опять взяла две чужие смены.

— Коллекционирую. Когда соберу десять, обменяю на отпуск.

— Лея, тебе деньги нужны?

— Они редко бывают лишними.

— Я не об этом.

Она смотрела так же, как мама: не на ответ, а на место, куда я пыталась от него свернуть.

— Дома всё нормально, — сказала я.

— Тогда почему ты там не бываешь?

Я сообщила, что у нас невероятно требовательная кофемашина и без меня может потерять веру в человечество. Заведующая не засмеялась. Пришлось срочно заняться молоком. Настя тоже умела замечать мои отступления, но относилась к ним практичнее. Именно поэтому, присылая билет, она написала: «Сходи. Там хотя бы нельзя сбежать из разговора, пока не решишь загадку». Получилось почти пророчество. Только загадка оказалась с чрезмерно дорогими декорациями.

Я коснулась телефона в кармане. Вечером мама всё ещё будет ждать меня и пирог, который просила не покупать. Впервые обещание не казалось способом закончить разговор. Я действительно собиралась приехать. Администратор позвала нашу группу. Я отключилась, убрала телефон в

шкафчик, потом в последний момент забрала обратно и сунула в карман. Нарушение правил показалось мелким и совершенно безопасным. Так обычно и начинаются самые дорогие ошибки.

В первой комнате нас заперли в «лаборатории алхимика». Девушка с телефоном сразу начала снимать склянки, семейная пара искала ключи, а парень в круглых очках пытался прочитать каждую надпись. Ведущий наблюдал через решётку.

— У вас пятнадцать минут, — сообщил он. — Если не приготовите противоядие, помещение заполнит смертельный газ.

— Настоящий?

— Декоративный.

— Жаль. За такие деньги хотелось бы полного погружения.

Через десять минут семейная пара уже спорила. Муж настаивал, что нужно смешать синюю жидкость с красной, жена обвиняла его в том, что он всегда торопится. Девушка с телефоном нашла секретный ящик, но не заметила написанный на крышке код. Парень в очках дрожал и повторял, что мы не успеем. Я взяла две пустые склянки и поставила между супругами.

— Предлагаю семейный компромисс. Вы смешиваете обе версии. Если комната взрывается, никто не докажет, кто был прав.

Они замолчали.

Пока смотрели на меня, парень в очках наконец заметил, что цветные жидкости нужно не смешивать, а поставить перед лампой. На стене проявились цифры. Мы открыли дверь за двадцать секунд до «газа».

— Видите? — сказала я. — Паника была полезной частью рабочего процесса.

После второй комнаты парень перестал дрожать. После третьей семейная пара начала советоваться. Я не решила ни одной загадки целиком, но каждый раз, когда кто-то застревал или срывался, говорила что-нибудь достаточно нелепое, чтобы люди выдохнули и посмотрели на задачу заново. Шутка была моей универсальной отвёрткой. Ею можно поддеть неловкое молчание, ослабить чужую злость, разобрать собственный страх. Если инструмент царапал человека, всегда оставался простой выход:

Да я же пошутила.

Тогда я ещё не знала, что существует мир, где эти слова ничего не отменяют.

До финала наша команда успела найти ключ в черепе, поругаться из-за загадки с зеркалами и чуть не потерять человека в комнате, где пол неожиданно наклонился. Для обычного квеста всё было сделано слишком хорошо. Стены дрожали, под ногами ходили каменные плиты, а один нарисованный монстр моргнул мне так убедительно, что я моргнула в ответ. Предпоследняя комната отличалась от остальных.

В ней не было замков, шифров и скрытых рычагов. Только пять стульев перед высоким зеркалом. На раме горела надпись:

**ДВЕРЬ ОТКРОЕТСЯ, КОГДА КАЖДЫЙ НАЗО-
ВЁТ ТО, ЧТО СКРЫВАЕТ.**

— Психолог входит в стоимость? — спросила я.

Ведущий стоял за решёткой.

— Зеркало распознаёт искренность.

— По лицу?

— По голосу.

Парень в очках сразу заявил, что это обычный анализатор интонации. Девушка с телефоном спросила, можно ли не участвовать. Семейная пара снова начала спорить: муж считал задание личным, жена напомнила, что они подписали согласие. Над дверью шёл обратный отсчёт.

Первой заговорила девушка.

— Я снимаю всё не для блага, — сказала она, не глядя в зеркало. — Мне страшно, когда потом нечего пересмотреть. Кажется, будто события не было.

На раме вспыхнул первый знак. Муж из пары признался, что полгода скрывает увольнение и каждое утро уезжает из дома, будто на работу. Жена молчала долго, потом сказала:

— Я знаю. И делаю вид, что не знаю, потому что боюсь спросить, что будем делать дальше.

Загорелись ещё два знака. Они посмотрели друг на друга. Впервые за весь квест без злости. Парень в очках сел перед

зеркалом.

— Я говорю, что люблю головоломки. На самом деле просто ненавижу ситуации, где не знаю правильного ответа.

Четвёртый знак.

Осталась я.

— Ну, слава идёт последней.

Зеркало не отреагировало.

— Я скрываю, что билет достался бесплатно.

Ничего.

— И что украла из первой комнаты конфету.

Надпись на раме стала красной:

НЕДОСТАТОЧНО.

— Очень требовательное зеркало.

Отсчёт показывал минуту.

Все смотрели на меня. Чужие люди уже сказали то, что, возможно, не решались признать близким. А я перебирала шутки, как карты, стараясь найти ту, которая позволит не выкладывать свою. Мама спросила, почему я взяла академический отпуск. Я отвечала про скучные пары, глупые задания и преподавателя, который произносил «перспектива» так часто, будто получал за это деньги.

Правда была проще.

— Я не знаю, чего хочу, — сказала я зеркалу. — Все вокруг делают вид, что к девятнадцати уже выбрали жизнь. А я боюсь выбрать неправильно. Поэтому не выбираю вообще и смеюсь над теми, кто спрашивает.

Пятый знак вспыхнул.

Дверь открылась.

Я сразу поднялась.

— Отлично. Теперь мы знаем друг о друге слишком много и можем никогда больше не встретиться.

Люди рассмеялись, напряжение ушло. Но зеркало не погасло. В глубине отражения на секунду появилось не моё лицо. Женщина с серебряными глазами стояла перед семью светящимися кругами. Она открыла рот, и по стеклу пробежали незнакомые слова.

Я обернулась.

— Вы видели?

— Что? — спросил парень.

Зеркало снова показывало только нас. Ведущий открыл решётку быстрее, чем требовалось по сценарию. Он подошёл к раме, коснулся красной надписи и тихо выругался на незнакомом языке.

— Проблема? — спросила я.

— Сбой проекции.

— А говорили, распознаёт голос.

Он посмотрел на меня слишком внимательно.

— Что именно вы увидели?

— Женщину. Круги. Наверное, рекламу следующего квеста.

Ведущий провёл ладонью по зеркалу. Под пальцами вспыхнула серебряная сетка, но он тут же закрыл её рукавом.

— Финальная комната готова, — сказал он группе. —
Следуйте за мной.

Пока остальные выходили, мужчина задержал меня.

— Если в последнем испытании увидите текст, которого нет у других, не читайте его вслух.

— Это часть игры?

— Нет.

— Тогда чего?

Он посмотрел на камеры под потолком.

— Просто не читайте.

Если бы он объяснил нормально, возможно, я бы послушалась. Но загадочные предупреждения в квесте звучат примерно так же надёжно, как табличка «не нажимать» на большой красной кнопке. Теперь перед нами возвышалась последняя дверь. Она была не бутафорской.

Я поняла это, когда подошла ближе. По чёрному металлу тянулись тонкие серебряные линии. Они не отражали свет факелов, а будто сами светились изнутри. В центре находился круг без замочной скважины, испещрённый незнакомыми знаками.

— Ваша задача — открыть проход, — сказал ведущий.

— И всего-то? А ипотеку там погасить не надо?

— У вас пять минут.

Он отступил в тень. Свет погас. Девушка с телефоном взвизгнула. Семейная пара дружно выругалась. Парень в очках врезался в меня плечом и торопливо извинился. Сереб-

ряные знаки на двери вспыхнули. В воздухе появился прозрачный круг, разделённый на семь частей. Он выглядел не как проекция: свет огибал пальцы, когда я протянула руку. От прикосновения кожу защипало.

— Голограмма, — уверенно сказал парень в очках.

— Конечно. А если оторвёт палец, организаторы приклеят его фирменным скотчем.

Мы принялись за загадку. Символы менялись местами, откликались на прикосновения и иногда издавали короткие звуки. Семейная пара быстро нашла повторяющуюся последовательность. Парень догадался, что части круга нужно поворачивать в такт. Девушка продолжала снимать. Я в основном мешала и давала советы, которые никто не просил. Когда осталось два незаполненных сектора, круг погас.

— Всё? — спросила девушка. — Мы проиграли?

Из глубины двери донёсся удар. Не театральный грохот из скрытой колонки, а тяжёлый, низкий звук. Такой бывает, если с другой стороны в металл врезается что-то очень большое. Ведущий вышел из тени. Впервые его лицо перестало быть скучающим. Он смотрел не на нас — на дверь.

— Отойдите.

— Это тоже часть программы? — спросил парень.

— Отойдите от двери!

Серебряные линии вспыхнули белым. Коридор задрожал. Из стыков между бутафорскими камнями посыпалась пыль. Ведущий схватился за что-то под плащом и выкрикнул сло-

ва, которых я не поняла. Перед ним возник щит из бледного света. На этот раз никто не сказал про голограмму. Второй удар прогнул дверь внутрь. В круглом углублении проявился знак, похожий на раскрытый глаз.

Свет коснулся меня.

Мир исчез на долю секунды. Я увидела лес под фиолетовым небом, башню, разломанную надвое, и женскую руку, прижатую к стеклу с другой стороны. Потом вернулся коридор. Над дверью горели слова. Я не знала языка, но понимала их.

Переходный узел обнаружен.

Внешнее сознание совместимо.

Требуется подтверждение входа.

— Вы тоже это видите? — прошептала девушка.

Судя по лицам остальных, видела только я. Ведущий шагнул ко мне, и световой щит погас.

— Не отвечайте, — сказал он. — Что бы вы ни услышали, молчите.

— Очень полезная инструкция для человека, который до этого два часа требовал от нас отвечать на загадки.

Знак на двери раскрылся.

Подтвердите вход.

Ведущий побледнел.

— Девушка, не говорите...

— Да поняла я. Не дверь, а капризная служба поддержки. Слова вспыхнули красным.

Подтверждение принято.

— Какое ещё подтверждение?

Дверь распахнулась.

За ней не было следующей комнаты. Там стоял тот самый лес: гигантские деревья, синие огоньки между ветвями и густой белый туман у земли. Холодный ветер ударил в лицо, принёс запах мокрой коры и чего-то сладкого.

Все закричали одновременно.

Из прохода вырвались чёрные нити. Они обвили мои запястья, рванули вперёд. Я упала, ударилась коленом и успела схватиться за край двери. Ведущий поймал меня за руку.

— Держитесь!

— Прекрасный совет!

Его пальцы скользили. За спиной кто-то тянул ведущего за плащ. Круглый знак над дверью вращался всё быстрее, серебряные линии плавилась.

— Закройте узел! — крикнул он остальным.

— Как?!

— Нарушите последовательность!

Парень в очках бросился к светящемуся кругу. Девушка наконец выронила телефон. Семейная пара прижалась к стене. Чёрные нити дёрнули ещё раз. Я увидела глаза ведущего совсем близко. В них был настоящий страх и ещё что-то — узнавание.

— Если попадёте туда, — выдохнул он, — не позволяйте им определить ваш класс.

— Кому — им?

Его ладонь выскользнула.

Я полетела в белый туман. Последнее, что донеслось из нашего мира, — голос Насти из кармана. Телефон каким-то чудом принял её звонок и успел прокричать:

— Лея, ты где вообще?!

Потом дверь захлопнулась.

И прежней жизни действительно не стало.

Глава 2. Очень реалистичный лес

Очнулась я оттого, что кто-то облизывал мне ухо. Сначала я решила, что это собака. Потом вспомнила, что лежу в лесу, куда провалилась через светящуюся дверь. Потом решила, что собака — всё ещё лучший вариант.

Я открыла глаза.

Надо мной висела морда размером с микроволновку. Она была покрыта зелёным мхом. Между длинными клыками свисали нити слюны, на лбу росли маленькие грибы, а четыре жёлтых глаза смотрели с одинаковым гастрономическим интересом.

— Какая реалистичная анимация, — прошептала я.

Морда зарычала. От запаха из пасти у меня заслезились глаза.

— И ароматизатор впечатляет.

Существо открыло пасть шире. Я перекатилась в сторону. Зубы сомкнулись там, где секунду назад находилась моя голова. Подняться красиво не получилось: нога зацепилась за корень, и я на четвереньках поползла между светящимися папоротниками. За спиной затрещали ветки.

— Спокойно, — сказала я, хотя голос звучал так, будто спокойствие покинуло его ещё в другой вселенной. — Хороший... кто бы ты ни был. Лежи ковриком!

Лес ответил вспышкой.

Слова вылетели изо рта серебряными буквами. Они растянулись в воздухе, обвинили существо и впитались в его шерсть.

Монстр рухнул.

Не споткнулся и не припал к земле. Его буквально распластало по мху: лапы разъехались в стороны, грибы на голове прижались, шерсть вытянулась ровным прямоугольником.

Я замерла.

Он тоже.

Над ним появилось полупрозрачное сообщение.

Создана первичная Форма: «Лежи ковриком».

Цель: моховой рыскарь, уровень 3.

Эффект: принудительное уплощение и обездвиживание.

Длительность: 4 секунды.

Расход маны: 8.

Следом возникло второе окно.

Получен опыт за создание новой Формы.

Уровень повышен: 1 → 2.

— Нет, — сказала я.

Сообщения не исчезли.

— Я не соглашалась.

Рыскарь начал надуваться, возвращая объём. Я вскочила и побежала. Лес оказался отвратительно настоящим. Ветки царапали руки, мокрые листья хлестали по лицу, земля проваливалась под кедами. Если это был квест, организаторы вложили слишком много денег в холод, боль и бесконечный

запас деревьев. В правом верхнем углу зрения дрожал маленький красный значок. Я попыталась смахнуть его рукой. Он остался на месте.

Стоило подумать «откройся», как перед глазами развернулось окно.

Лея

Уровень: 2

Класс: не определён

Здоровье: 91/100

Мана: 34/42

Сила: 7

Ловкость: 9

Выносливость: 8

Восприятие: 10

Воля: 13

Свободные очки характеристик: 2

— Закройся.

Окно послушно исчезло.

Это напугало сильнее рыскаря. Я медленно поднялась и оглядела себя. Куртка исчезла вместе с гардеробом квеста, но джинсы, футболка и кеды остались. В кармане лежал телефон. Экран не разбился, заряд показывал шестьдесят два процента. Связи, разумеется, не было. Я открыла карту. Серое поле. Компас вращался так быстро, будто тоже паниковал.

— Спокойнее, — сказала я ему. — Нас обоих сейчас

стошнит.

Телефон погас.

Я зажала кнопку включения. Никакой реакции. Через секунду он стал тёплым, затем горячим.

— Не кипятись.

Серебряное покалывание мелькнуло и исчезло. Телефон резко остыл. На корпусе выступил иней.

Перед глазами появилось:

Спонтанный смысловой отклик.

Недостаточно условий для устойчивой Формы.

Результат: отвод тепла от обозначенного объекта.

Расход маны: 3.

— Я всего лишь попросила.

Просьба содержала допустимое изменение свойства.

— А если я попрошу отправить меня домой?

Недостаточно прав.

— Конечно. На охлаждение телефона права есть, а на спасение человека нужна платная подписка.

Я засунула телефон обратно в карман и попыталась понять правила. Слова сами по себе не срабатывали. Я успела наговорить монстру достаточно, чтобы превратить его в мебельный магазин. Сработало только то, за чем стоял ясный образ. Я действительно хотела, чтобы он лёг. А телефон действительно хотела охладить. Значит, стоило следить не только за языком, но и за тем, что происходило в голове.

Для человека, привыкшего думать быстрее, чем оценивать последствия, новость была неприятной. Я подошла к ручью, умыла лицо и посмотрела на отражение. Волосы торчали, на щеке грязь, колено разодрано.

— Прекрасно выгляжу. Сейчас со стыда сгорю.

Волосы вспыхнули.

Я закричала, сунула голову в ручей и ударилась лбом о камень. Огонь погас с шипением. Запахло палёной шерстью.

Обратный смысловой удар.

Цель не обозначена. Фраза применена к автору.

Урон: 6.

Временное повреждение: волосы, бровь.

Я осторожно потрогала лицо. Правая бровь стала короче.

— Это была фигура речи!

Тип толкования не ограничен.

— У тебя вообще есть чувство юмора?

Система не ответила.

Я несколько минут сидела у ручья, завернув мокрые волосы в край футболки. Страх менялся. Сначала я боялась зверя. Теперь — собственных фраз. Попыталась говорить только буквально.

— Я сижу возле воды. Температура воды низкая. Мои волосы частично повреждены. В лесу находится опасное животное.

Ничего не произошло.

— Отлично. Теперь я ещё и комментатор самой скучной

передачи в мире.

Серебро не появилось.

Видимо, даже магия знала меру. Я изучила интерфейс внимательнее. Кроме характеристик там нашлись вкладки «Состояние», «Формы», «Задания» и «Связи». Последняя была пустой. Во вкладке заданий горело одно:

Найти безопасное поселение.

Награда: базовая адаптация интерфейса.

Дополнительное условие: не стать пищей.

— Очень смешно.

Формулировка создана на основе когнитивного шаблона пользователя.

— То есть это я сама так шучу?

Частично.

От разговора с собственной головой становилось неудобно. На берегу я нашла следы. Огромные отпечатки рыскаря шли вдоль воды, но рядом были другие — человеческие. Кто-то проходил здесь недавно в сапогах с узким каблуком. Я пошла по ним.

Лес постепенно раскрывался.

Светящиеся кроны скрывали небо, зато внизу жили сотни маленьких огней. Полупрозрачные бабочки садились на кору и растворялись. В дупле одного дерева кто-то размеренно стучал, а само дерево отвечало вспышками прожилок. На поляне лежали камни, над которыми дождь шёл снизу вверх. Красота была настоящей и совершенно ко мне равнодушной.

Мне захотелось показать всё Насте. Услышать, как она сначала не верит, потом кричит, потом требует снять видео. Я достала мёртвый телефон и всё равно навела камеру на светящиеся деревья.

Экран не включился.

Впервые я по-настоящему почувствовала расстояние. Не километры. Не плохую связь. Целый мир, который не знал ни моего дома, ни улицы, ни языка. Если я исчезла для Земли, там сейчас шло обычное время. Мама ждала обещанного разговора. Настя могла всё ещё звонить. Я прижала телефон к груди. На человеческих следах лежало маленькое существо.

Сначала я приняла его за птицу. Потом оно расправило четыре прозрачных крыла, а из-под перьев показали две передние лапы. Существо пыталось подняться, но одно крыло было порвано. Вокруг раны застыли капли голубой крови.

Над ним появилось:

Сумеречный летун, уровень 1.

Состояние: ранение, истощение.

Отношение: боится.

— Наконец-то кто-то моего уровня.

Летун зашипел и попытался укусить.

— И характер подходящий.

Я могла пройти мимо. Где-то рядом бродил рыскарь, до безопасного поселения неизвестно сколько, а я понятия не имела, чем питаются шестипалые птицы. Но голубая кровь

выглядела слишком настоящей. Я медленно сняла футболку, оставшись в майке, оторвала узкую полосу и обмотала крыло. Летун кусал пальцы, но зубы оказались мелкими.

— Благодарность у тебя развита примерно как у меня.

Я налила воду из ручья в ладонь. Он понюхал и выпил. Система показала новое предложение:

Возможная связь с существом.

Требуется класс «Укротитель» или подходящая Форма.

Создать определение отношений?

— Нет.

Уточните: отказ от связи или отказ от помощи?

— От связи. Помощь уже оказана.

Действие без системной награды. Подтвердить?

Я уставилась на окно.

— Ты серьёзно спрашиваешь, хочу ли я сделать что-то без награды?

Действие не влияет на развитие класса.

— Переживу.

Подтверждено.

Летун допил воду и отполз под корень. Я положила рядом кусочек найденной ягоды. Он посмотрел, как на оскорбление, и съел.

— Поправляйся.

Существо моргнуло тремя веками. Я отошла. Никакого опыта не получила. Задание не завершилось. Мир не заиграл торжественную музыку. Просто одно живое существо стало

чуть меньше умирать. Через несколько шагов над кустами вспыхнули прозрачные крылья. Летун, едва держась в воздухе, перелетел на другую сторону тропы и громко защёлкал клювом.

Я остановилась.

Из земли впереди медленно поднялись зелёные щупальца. Поляна, по которой я собиралась пройти, оказалась огромным растением. В центре раскрылся цветок с рядами мелких зубов.

— Системной награды нет, а предупреждение есть. Договорились.

Летун исчез между ветвями.

Я обошла поляну.

Через минуту из кустов донёсся рык. Мир не дал долго жалеть себя. Пока за тобой гонится чудовище, можно не размышлять о невозможном. Есть зубы, есть ноги, между ними понятные отношения. Но прозрачное меню, которое открывается мыслью, не оставляло удобных объяснений. Я добежала до ручья и прижалась к стволу огромного дерева. Кора под ладонью была тёплой. По ней медленно текли голубые прожилки, похожие на светящиеся сосуды.

Где-то слева прорычал рыскарь.

Я затаила дыхание.

Над кустами плавно поднялся крохотный огонёк. Он покачался в воздухе и полетел ко мне. За ним второй. Потом третий.

— Прекрасно. Сейчас меня съест гирлянда.

Огоньки собрались вокруг головы. Один коснулся виска, и в сознании прозвучал детский смех.

Я отшатнулась.

Вода в ручье поднялась тонкой струйкой и потянулась к огням. Те вспыхнули ярче. Из зарослей вышел рыскарь. Он двигался медленно, приносясь. На боку у него осталась ровная складка, словно животное действительно несколько лет пролежало под диваном. Я попятилась вдоль ручья.

— Давайте договоримся. Ты не ешь меня, я не превращаю тебя в предмет интерьера.

Жёлтые глаза сузились.

В воздухе мелькнула подсказка.

Для повторного применения Формы требуется ясное намерение и достаточный резерв маны.

— Спасибо. А кнопку «домой» вы где спрятали?

Функция недоступна.

— Я не тебя спрашивала.

Рыскарь прыгнул.

Я вскинула руки.

— Лежи ковриком!

Серебряные слова ударили в зверя. Его перекосило в воздухе и пришлёпнуло к берегу. Вода окатила меня с ног до головы.

Четыре секунды.

Я бросилась через ручей. На середине нога соскользнула с

камня. Ледяная вода обожгла кожу, течение потащило вниз. Я ухватилась за корень и услышала, как сзади рыскарь снова поднялся.

Мана: 23/42.

Ещё на два полных применения, если стоимость не изменится. Может быть, на два, если Система решит поднять тариф в самый удачный момент. Я выбралась на другой берег и побежала вверх по склону. Лес постепенно редел. Между стволами мелькнул серый камень — остатки дороги, заросшей мхом. На ней стоял столб с тремя металлическими стрелками. Надписи выглядели незнакомыми. Через мгновение символы дрогнули и сложились в понятные слова:

Верен — 6 лиг.

Северный мост — закрыт.

Разрыв Семи — доступ запрещён.

— Верен, значит. Отлично. Там наверняка есть вокзал, посольство и человек, который объяснит, почему я разговариваю с дорожным знаком.

Стрелка на Верен медленно повернулась и указала назад — туда, откуда приближался рык.

— Издеваешься?

Она качнулась.

С другой стороны дороги раздался свист. В воздухе мелькнула синяя линия. Она обвила две ветви и натянулась между ними. Рыскарь выскочил из кустов, зацепился грудью и кувыркнулся через голову. На дорогу спрыгнул мужчина.

На вид ему было чуть больше двадцати. Тёмные волосы собраны на затылке, серый плащ испачкан глиной, на поясе короткий меч и катушка тонкого серебристого шнура. Он провёл ладонью по воздуху, и синяя линия натянулась сильнее.

— Бегите! — крикнул он.

— Наконец-то актёр с репликами!

Он посмотрел на меня так, будто пожалел, что вмешался. Рыскарь перегрыз светящуюся нить. Мужчина выхватил меч. Лезвие покрылось сеткой синих трещин.

— На дорогу! Быстро!

Я побежала к нему. Зверь рванул следом. Мужчина встал между нами и рубанул сверху. Рыскарь увернулся быстрее, чем позволяли его размеры. Лапа ударила человека в грудь. Плащ разорвался, на серой ткани выступила кровь. Он упал на колено.

Я остановилась.

До этой секунды где-то внутри ещё жила глупая надежда. Дорогой эксперимент. Виртуальная реальность. Наркоз. Сон. Что угодно, где кровь смывается, декорации выключат, а злой инструктор вручит бумагу о неразглашении. Кровь текла слишком густо и пахла железом. Рыскарь развернулся к раненому.

— Эй, половик!

Четыре глаза уставились на меня. Серебряное покалывание пробежало по языку. Я почувствовала, как внутри что-

то отзывается на смысл, на образ, на намерение сделать зверя плоским и неподвижным.

Это было безумие.

Но безумие уже пыталось кого-то съесть.

— Лежи ковриком!

Рыскаря припечатало к камням. Мужчина не стал задавать вопросов. Перекатился, поднял меч и вогнал его в синюю прожилку под челюстью зверя. Тот дёрнулся. В воздух ударил запах сырой земли. Мох на шкуре посерел, грибы осыпались, и огромное тело начало быстро рассыпаться в зелёную пыль. Я смотрела, не в силах отвести глаза.

— Вы ранены, — сказала я.

— Наблюдательно.

— Это защитная реакция. Когда я боюсь, говорю очевидные вещи.

Он прижал ладонь к боку. Между пальцами выступила кровь.

— Тогда вы сейчас очень боитесь.

— До встречи с вами было терпимо.

Мужчина поморщился — то ли от боли, то ли от меня. Над рассыпавшимся рыскарем вспыхнуло сообщение.

Получен опыт: помощь в победе над существом более высокого уровня.

Но я смотрела не на него. За деревьями кто-то закричал. Крик оборвался быстро. Затем послышался хруст и довольное рычание сразу нескольких зверей.

Мужчина закрыл глаза.

— Поздно.

— Там человек?

— Был.

Из-за поворота дороги выкатилась кожаная сумка. За ней — окровавленная рука. В животе всё сжалось. Никакой квест не стал бы делать такое. Никакая игра не пахла бы так. Я опустилась на холодный камень и поняла, что дрожу.

Незнакомец тяжело поднялся.

— Если хотите жить, идите за мной. До заката рыскари выйдут стаей.

— Куда?

— В Верен.

— А потом?

— Потом городской регистратор определит ваш класс, происхождение и право находиться на этой земле.

Я вспомнила лицо ведущего у двери.

Не позволяйте им определить ваш класс.

— А без этого никак?

Мужчина внимательно посмотрел на мою одежду, кеды, мокрые волосы и пустые руки.

— Можно остаться здесь.

В лесу снова зарычали.

— Убедили. Но предупреждаю: мой класс, вероятно, «разочарование для окружающих».

Он отвернулся и пошёл по дороге.

— Такого класса нет.

— Теперь есть надежда на карьеру первооткрывателя.

Незнакомец ничего не ответил. Я двинулась следом. Через несколько шагов перед глазами появилось сообщение.

Получен уровень 3.

Доступно: распределение характеристик.

Новая запись в Реестре: «Лежи ковриком».

Автор: Лея.

Статус: первичная Форма.

Последнюю строку я прочитала дважды. Потом окно исчезло само. А где-то очень далеко, куда не доходил ни один лесной звук, будто перевернулась огромная страница.

Глава 3. Актёр с настоящей кровью

Незнакомец прошёл почти сотню шагов, прежде чем заметил, что оставляет за собой красные капли. Или не заметил. Возможно, в этом мире считалось неприличным обращать внимание на собственные внутренности, если они ещё не выпали наружу.

— Вам бы присесть.

— Нам бы уйти с охотничьей тропы.

— Я, конечно, не врач, но по-моему, дорога становится охотничьей именно благодаря вашему кровавому пунктиру.

Он остановился и посмотрел вниз. Когти рыскаря расправили куртку от рёбер до пояса. Рана оказалась не такой глубокой, как я боялась, но достаточно серьёзной, чтобы перестать отпускать шутки.

Почти.

— У вас есть аптечка?

— Что?

— Бинт. Лекарство. Перекись.

— У меня есть стягивающая печать.

— Разумеется. Глупо было спрашивать про нормальные вещи.

Он достал из внутреннего кармана медную пластинку размером с ладонь. На ней проступили синие линии. Незнакомец прижал её к боку, резко втянул воздух, и края раны мед-

ленно потянулись друг к другу.

Я присела рядом.

— Это лечение?

— Нет. Она удержит кровь до города.

— То есть магический пластырь.

— Пластырь?

— Пластинка, которая делает вид, что проблемы нет.

— Тогда да.

Мне впервые показалось, что он едва заметно улыбнулся.
Из леса донёсся протяжный вой. Незнакомец поднялся.

— Идём.

— Сначала имя.

— Зачем?

— Чтобы знать, что кричать, когда вас потащат в кусты.

— Не кричите. Бегите.

— Очень трогательно. И всё-таки?

Он поправил плащ.

— Рен Дарро.

— Лея. Просто Лея.

— Род?

— Человеческий.

— Я спросил о семье.

— А я ловко уклонилась.

Рен нахмурился, но допрашивать не стал. Мы пошли быстрее. Старая дорога то появлялась под ногами, то исчезала под корнями. Каменные плиты были испещрены теми

же светящимися линиями, что и меч Рена. Когда он наступал на них, свет на мгновение оживал и показывал безопасный путь.

— Вы говорите, регистратор определит происхождение. Это насколько подробно?

— Мир, область, род, иногда город.

— Иногда?

— Если город существует достаточно долго, чтобы оставить след в Своде.

— А если мой не существует в вашем... Своде?

Рен остановился.

— Откуда вы пришли?

Я посмотрела на фиолетовое небо между ветвями. Там медленно двигались два бледных месяца. Один был расколот тёмной полосой.

— Издалека.

— Это я понял по одежде.

— Она не настолько ужасная.

— У вас тонкая обувь без защитных рун, застёжка из неизвестного металла и штаны, намеренно разорванные на коленях.

— Это мода.

— Сочувствую вашей области.

Теперь улыбнулась я.

За следующим поворотом дорога обрывалась. Между двумя краями оврага висели остатки моста. Верёвки сгнили,

доски валялись внизу, а над пропастью тянулись несколько синих линий, тонких, как паутина.

— Мы пойдём в обход? — с надеждой спросила я.

— Обход займёт два дня.

— Я не тороплюсь.

В кустах за спиной хрустнула ветка.

— Теперь торопитесь.

Рен опустился на колено и коснулся дорожной плиты. Синие линии под его пальцами вспыхнули. Через овраг протянулась прозрачная дорожка шириной в две ступни.

— Это выдержит?

— Если не будете останавливаться.

— А если буду?

— Узнаете, что находится на дне.

Я подошла к краю. Овраг уходил в туман. Снизу доносился влажный шелест, словно кто-то очень большой медленно переворачивался во сне.

— У вас все дороги такие гостеприимные?

— Только старые.

— А новые?

— Платные.

Рен ступил на световой мост. Тот прогнулся, но выдержал. Я пошла следом. Под ногами не было ничего твёрдого, только покалывание и голубая глубина. На середине мост задрожал. Рен споткнулся, прижал руку к боку.

Печать потемнела.

— Рен?

— Идите.

— Вы сейчас свалитесь.

— Если вы остановитесь, свалимся оба.

За нами показался первый рыскарь. Потом второй. Они не бросились на мост, но устроились у края, явно рассчитывая, что еда доставит себя самостоятельно. До противоположной стороны оставалось шагов десять. Синие линии начали гаснуть.

Я схватила Рена за руку и потащила. Он оказался тяжелее, чем выглядел. Мост под моей ногой исчез, и ступня провалилась в пустоту. Рен резко дёрнул меня вверх. Рана на его боку открылась, кровь брызнула на свет. Мы рухнули на другой край почти одновременно.

Мост рассыпался.

Рыскари недовольно завыли.

— Вот видите, — сказала я, задыхаясь. — Иногда полезно путешествовать с человеком в ужасных штанах.

Рен перевернулся на спину.

— Вы не умеете молчать?

— Умею. Но тогда слышно, как я паникую.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ваше заклинание в лесу. Какая школа?

— Ковровая.

— Я серьёзно.

— А я не знаю.

— Вы произнесли незарегистрированную Форму.

— Система сказала, что зарегистрировала.

— Система?

— Окна перед глазами. Цифры. Очень назойливый справочник.

Рен приподнялся на локте.

— Интерфейс Свода есть у всех. Он не разговаривает без запроса и не называет себя Системой.

— Мой, видимо, общительный.

— Покажите запись заклинания.

Я подумала о Реестре. Перед глазами открылось окно.

Доступные Формы

1. «Лежи ковриком» — первичная Форма.

Автор: Лея.

Допуск: не определён.

Распространение: заблокировано до проверки.

— Тут написано...

Я осеклась.

— Что?

— Что распространение заблокировано.

Лицо Рена стало совсем неподвижным.

— Закройте окно.

— Уже.

— В городе никому не говорите об авторстве.

— Почему?

— Потому что новые Формы не создавали почти триста

лет.

— Вообще?

— Открывают старые. Восстанавливают повреждённые. Составляют связки из разрешённых элементов. Но Свод не принимает новые.

— Мой принял.

— Поэтому молчите.

— Вы часто говорите это людям через десять минут после знакомства?

— Только тем, кто создаёт невозможные заклинания и общается об этом на старой дороге.

— Обычно я произвожу более спокойное первое впечатление.

— Сомневаюсь.

Он снова прижал печать к боку. Свет на медной пластинке мигал.

— Сколько у вас маны? — спросил Рен.

— Пятнадцать из сорока двух.

— После четырёх откликов?

— Трёх полных Форм и одного маленького охлаждения.

— Для третьего уровня много.

— У меня теперь третий? Я не заметила.

Окно подтвердило уровень. Вместе с ним пришли два свободных очка, но я не стала распределять их наугад.

— Уровень повышается за убийства?

— За опыт.

— Очень содержательно.

— Свод оценивает освоение класса, опасность действий, новые знания, выполненные задачи. Убийство — лишь один способ.

— А если человека убьют, он возродится?

Рен посмотрел на меня.

— Нет.

— Тогда зачем цифры здоровья?

— Чтобы целитель понимал состояние. Чтобы защитные Формы рассчитывали предел. Чтобы человек знал, когда перестать изображать героя.

Он говорил сухо, но последнюю фразу явно адресовал себе.

— В моём мире цифры обычно означают игру.

— Здесь они означают, сколько у тебя осталось до смерти.

Прозрачные окна сразу перестали казаться забавными. Мы переждали у оврага, пока Рен восстанавливал дыхание. Он достал из сумки плотный хлеб и полоску сушёного мяса. Разломил хлеб пополам.

— Вы голодны?

Я хотела отказаться из вежливости, но желудок ответил раньше.

— Это не магическое животное?

— Коза.

— Обычная?

— Очень злая, но без класса.

Хлеб был жёстким. Мясо — солёным. Ничего вкуснее я не ела.

Пока мы делили хлеб и вопросы, незаметно перешли на «ТЫ».

— Значит, у всех есть классы?

— Почти у всех людей. Определение проходит между двенадцатью и пятнадцатью годами.

— А до этого?

— Общий контур. Простые бытовые Формы.

— И дети спокойно относятся к тому, что какая-то система решает, кем им быть?

— Класс не решает профессию.

— Ты сказал это так, будто повторял много раз.

Рен убрал остаток еды.

— «Связующий путей» считается обслуживающим классом. Гильдии берут нас для прокладки дорог, ремонта мостов, сопровождения караванов. Моя сестра доказывала, что путь — не только камень под ногами. Я предпочитал получать оплату и не спорить.

— А теперь?

— Теперь она пропала на пути, который никто не смог восстановить.

Он сразу замкнулся, словно сказал больше, чем собирался.

— Сочувствую.

— Я не просил.

— Сочувствие редко выдают по заявлению.

Он посмотрел на меня и отвернулся.

Мы продолжили идти.

По дороге Рен показывал признаки опасности. Голубой мох означал стабильную ману, красный — близость Эха. Если дерево росло корнями вверх, следовало обходить место, потому что пространство там могло поменять направление. Нельзя отвечать голосу, который зовёт из пустого колодца, нельзя пить воду с золотыми кругами и особенно нельзя подбирать монету, лежащую орлом вверх посреди дороги.

— Почему?

— Она подождёт, пока ты захочешь купить что-нибудь важное, а потом укусит.

— Монета?

— Денежный клещ.

Я внимательно посмотрела на него.

— Ты сейчас пошутил?

— С чего ты взяла?

— Ничего. Показалось.

У первого дорожного святилища он остановился. Небольшой каменный столб был увешан лентами. Рен привязал новую — отрезал полосу от собственной испорченной куртки.

— За кого?

— За тех, кого дорога не вернула.

— Она слышит?

— Дорога — нет. Люди видят.

Такой ответ понравился мне больше любой магии. За свя-
тилищем дорогу перегораживала каменная арка. Когда мы
подошли, из неё выросло лицо с закрытыми глазами.

— Путевой сбор, — произнёс камень. — Две меди с че-
ловека, одна с зарегистрированного служебного класса, пять
с груза, семь с проклятого груза, жалобы принимаются по
нечётным дням.

— У меня нет денег, — сказала я.

Каменное лицо открыло глаза.

— Тогда одна услуга дороге.

— Какая?

— Устранить повреждение.

Сбоку арки появилась трещина. Из неё вытекал синий
свет.

Рен приложил жетон.

— Связующий путей. Служебный допуск.

— Льгота подтверждена. Один пользователь проходит
бесплатно при выполнении ремонта.

— А второй?

Камень посмотрел на меня.

— Не зарегистрирована. Подозрительная обувь. Полный
сбор.

— Да что вам всем сделали мои кеды?

— Не являются предметом местного Реестра. Возможно
прокляты.

— Иногда натирают. Это считается?

— Проклятый груз: семь меди.

— Я пошутила.

— Жалобы принимаются по нечётным дням.

Рен уже осматривал трещину.

— Помоги убрать камни.

— У тебя рана.

— Поэтому и прошу.

Мы расчистили основание арки. Камни были тяжёлыми, ладони быстро покрылись царапинами. Никакой магии не требовалось: просто перенести обломки, подставить клин и удержать пластину, пока Рен соединял линии. Синий свет шёл по его пальцам. Он не произносил Форму, а будто слушал два разорванных края и убеждал их вспомнить друг друга.

— Что ты делаешь?

— Возвращаю продолжение.

— Можно точнее?

— Для дороги трещина — не отсутствие камня. Это место, где путь перестал считать следующую часть собой. Я восстанавливаю связь.

— Как с людьми?

— Людей обычно нельзя соединить шнуром.

— Иногда очень хочется.

Трещина закрылась. Арка загорелась ровным синим.

Ремонт принят.

Качество: 62%.

Замечание: использован повреждённый проводник.

— Это про тебя, — сказала я.

— Знаю.

Незарегистрированный пользователь оказал физическую помощь. Временный проход разрешён.

Каменное лицо отодвинулось.

— Подозрительная обувь допускается под ответственность связующего.

— Огромное спасибо.

— Жалобы...

— По нечётным дням. Запомнила.

Мы прошли арку. На другой стороне Рен присел, прижав руку к ране.

— Ты тратишь ману даже на такой ремонт?

— На любой.

— Могли обойти.

— Тогда следующий караван заплатил бы за проход и всё равно нашёл сломанную дорогу.

— А гильдия тебе заплатит?

— Если подам отчёт и они признают ремонт необходимым.

— Признают?

— Нет.

— Зачем тогда?

Он посмотрел назад. Синий свет арки указывал путь сквозь темнеющий лес.

— Потому что дорога должна вести.

Я поняла, почему его сестра считала этот класс важнее, чем он сам. Теперь предупреждение ведущего звучало немного понятнее и гораздо хуже. Мы сменили печать на ране. Вторая пластинка была меньше и светилась слабее. Рен сказал, что до Верена осталось четыре лиги. Я не знала, сколько это, но по тону поняла: слишком много.

Дальше дорога шла вниз. К сумеркам светящиеся прожилки в деревьях стали ярче, а между корнями появились полупрозрачные цветы. Они закрывались, когда мы приближались, и шептали друг другу вслед.

— Они что говорят?

— Обычно сплетни.

— Цветы?

— Здесь редко ходят люди. Им скучно.

Я наклонилась к одному.

— Ну? Как вам моя одежда?

Цветок свернул лепестки и притворился камнем.

— Так и знала.

Впереди мелькнул жёлтый свет. На дороге лежала перевернутая телега. Рядом горел фонарь, хотя его стойка сломалась. В траве стонал человек.

Рен ускорил шаг.

Мужчина в дорожной куртке был жив. Одна нога застряла под колесом, живот распороли когти. Он держал обеими руками амулет на груди и повторял:

— Не гасни. Не гасни. Не гасни.

Вокруг телеги стоял прозрачный купол. Снаружи по нему скреблись три маленьких рыскаря.

— Тарел, — сказал Рен, опускаясь рядом. — Где караван?

— Ушёл. Я велел... не ждать.

— Я подниму колесо.

Тарел схватил его за рукав.

— Не надо.

Я уже понимала почему. Под телегой было слишком много крови.

— У него же есть здоровье? — прошептала я. — Очки, полоска, что-нибудь?

Над Тарелом дрогнули цифры: **7/126**.

Потом **6/126**.

— Нужно лечение, — сказала я. — Зелье. Целитель.

— До города не донесём.

— Тогда сделайте что-нибудь здесь.

Рен не ответил.

Тарел посмотрел на меня.

— Кто это?

— Путница.

— Странная.

— Наконец-то точный диагноз.

Он слабо улыбнулся. Купол над нами мигнул. Снаружи завывали звери.

— Возьмите сумку, — выдохнул Тарел. — Там письма. В

гильдию. И Эсе скажи...

Он замолчал.

3/126.

— Сам скажешь, — произнёс Рен.

Тарел покачал головой.

— Не лги на дороге, связующий.

Цифра стала нулём.

Ничего особенного не произошло. Не заиграла музыка, тело не растворилось, над ним не появилась надпись о завершённом задании. Человек просто перестал дышать. Я ждала, что интерфейс подскажет, как это исправить.

Он молчал.

Рен закрыл Тарелу глаза, снял с его груди погасший амулет и встал.

— Нужно уходить, пока щит держится.

— Мы оставим его?

— Вернёмся с городской стражей.

— Его съедят.

— Если останемся, съедят троих.

Я посмотрела на рыскарей за куполом. Один из них лизнул световую преграду и тут же отдёрнул язык. Внутри меня поднялась колкость — о качестве местной службы спасения, о героических правилах, о мире, где у каждого над головой цифры, но смерть всё равно приходит без кнопки отмены. Я не сказала ничего. Рен поднял сумку с письмами. Мы ушли, когда купол ещё горел.

Через несколько минут за спиной раздался звон разбитого стекла.

Я не обернулась.

Через некоторое время Рен заговорил сам:

— Тарел работал на гильдию шесть лет.

Я молчала.

— Он всегда уходил из каравана последним. Проверял колёса, груз, путевые знаки. Если бы не задержался с телегой, рыскари догнали бы остальных.

— Поэтому караван ушёл.

— Он велел.

— И ты знаешь, что сказать Эсе?

Рен сжал ремень сумки с письмами.

— Правду.

— Какую именно?

Он не ответил.

Я поняла, что правд может быть несколько. «Ваш муж погиб». «Он спас караван». «Мы нашли его живым и всё равно ушли». Каждая была точной. Ни одна не помещала человека целиком.

— Скажи, что он не был один, — произнесла я.

— Это неправда.

— В конце — не был.

Рен посмотрел на меня.

— И что рядом сидела странная девушка, которая пыталась спорить со смертью, хотя не знала ни одной лечебной

Формы.

— Этого можно не говорить.

— Почему? Полная правда помогает людям нравиться друг другу.

— Обычно наоборот.

Я запомнила фразу. Позже я услышу её снова и пойму, что некоторые привычки у местных общие, как бы они ни хотели это отрицать. До городских огней оставалось далеко. Рен ослабевал. Несколько раз он оступался, но отвергал помощь. На третий раз я молча подставила плечо.

— Я могу идти сам.

— Можешь. Но медленнее.

— Ты ниже меня.

— Зато у меня две работающие половины туловища.

Он всё-таки опёрся. Мы шли так почти лигу. Я не знала, сколько это в километрах. Знала только, что его рука становилась тяжелее, а печать на боку темнее. Впереди показались огни Верена.

— Лея, — сказал Рен.

— Что?

— В городе не говори о Земле, двери и новой Форме, пока не поймём, кто тебя услышит.

— Даже регистратору?

— Особенно регистратору.

— У меня плохо получается молчать.

— Я заметил.

— Но попробую.

Это было второе обещание за день. Первое я дала маме. Ни одного выполнить не получилось. До самых городских огней мы шли молча. И впервые в жизни тишина не казалась мне чем-то, что обязательно нужно заполнить.

Глава 4. Город, которого нет на карте

Верен появился на горизонте после полуночи. Сначала я увидела золотую дугу, протянутую между двумя скалами. Потом — стены, башни и сотни огней, висевших в воздухе без проводов. Город стоял на нескольких каменных уступах. Их соединяли мосты: широкие, узкие, прямые, изогнутые, прозрачные. Некоторые ни к чему не крепились и медленно перемещались, подстраиваясь под движение людей. После тёмного леса Верен выглядел как обещание горячей воды и отсутствия зубов.

— Красиво, — сказала я.

Рен кивнул.

— Если ты сейчас ответишь «бывало и лучше», я столкну тебя со скалы.

— В первый раз вижу, чтобы человек угрожал убийством в качестве комплимента своему городу.

— Значит, ты мало путешествовала.

К воротам вела мощёная дорога. Здесь световые линии были целыми и яркими. Рен ступил на одну, и она понесла нас вперёд, как медленная беговая дорожка. Я едва удержалась на ногах.

— Предупреждать надо.

— Я думал, в твоей далёкой области есть дороги.

— Есть. Но они не пытаются уехать из-под человека.

У ворот стояли двое стражников в тёмно-зелёной форме. Над входом вращалось кольцо из каменных пластин. Каждый входящий проходил через него, на пластинах на секунду загорались символы, и стража махала дальше.

Я замедлила шаг.

— Это и есть определитель класса?

— Нет. Проверка на активные проклятия, запрещённые предметы и метки розыска.

— А чужие миры?

— Чужие что?

— Ничего.

Рен показал жетон с изображением моста. Один из стражников оглядел его окровавленный бок.

— Снова полез на старую дорогу, Дарро?

— Там погиб курьер Тарел Эсс. Телега у Вдовьего оврага. Три рыскаря, возможно больше.

Веселье исчезло с лица стражника. Он подозвал напарника и быстро передал приказ патрулю. Потом указал на меня.

— А это?

— Путница. Нападение пережила без серьёзных ран.

— Метка есть?

— Регистрацию пройдёт утром.

— Пропуск?

— Под мою ответственность.

Стражник усмехнулся.

— У связующего путей появилась ответственность?

Рен молча протянул жетон. Металлические пластины над воротами вспыхнули синим. Стражник хотел добавить что-то ещё, но заметил кровь на его пальцах и отступил.

— Утром отметить её в управе.

Мы вошли.

Кольцо над головой зашептало. Меня окатило теплом, перед глазами мелькнули незнакомые строки.

Внешний источник: не классифицирован.

Проверка отложена.

Поручитель: Рен Дарро.

Одна из каменных пластин треснула.

Я ускорила шаг.

За воротами нас остановила женщина в синем жилете. Над её ладонью плавал список въехавших.

— Временное пребывание, — сказала она, глядя на меня.

— Поручитель оплачивает городской сбор.

— Какой ещё сбор? — спросил Рен.

— За неустановленного пользователя — пять серебряных в сутки.

— В прошлом месяце было два.

— В прошлом месяце внешние источники не ломали проверочные кольца.

Каменная пластина над воротами снова треснула. Женщина выразительно посмотрела вверх.

— Это не я, — сказала я.

— Кольцо считает иначе.

— Оно меня почти не знает.

Рен отдал пять монет. Я заметила, что в кошельке осталось всего несколько.

— Я верну.

— Чем?

— Карточкой.

— Это тот кусок пластика, который Иара потом захочет расплавить?

— Значит, научными открытиями.

— Лучше молчи.

— За это у вас тоже городской сбор?

Женщина в жилете усмехнулась. Рен нет, но уголок рта снова дрогнул.

Ночной город не спал. По нижней улице катились двухколёсные экипажи без лошадей; под ними пульсировали руны. У входа в булочную маленький вихрь мёл ступени. Женщина в красном переднике щёлкнула пальцами, и над прилавком вспыхнула надпись «Свежие рогалики». Двое рабочих направляли каменные плиты движениями ладоней. На балконе мальчик пытался поймать светящийся шар, а тот каждый раз отскакивал и показывал ему язык.

Я крутила головой так усердно, что чуть не врезалась в фонарь.

Фонарь отодвинулся.

— Спасибо.

Он наклонился вежливо.

На площади у ворот стояла доска городских поручений. Над ней плавали десятки листков. Один предлагал награду за поимку болотного певца, который каждую ночь признавался в любви чужими голосами. Другой предупреждал о поддельных зельях роста волос: у покупателей волосы действительно росли, но не обязательно на голове.

— Здесь есть работа без класса? — спросила я.

— Грузчики, уборщики, помощники торговцев, — ответил Рен. — Но без регистрации тебя никто не наймёт.

— Потому что я могу оказаться преступницей?

— Потому что работодатель не знает, выдержишь ли ты заклинание склада, не проклянёшь ли товар и кому платить компенсацию, если твоя мана испортит оборудование.

— У нас обычно спрашивают паспорт и опыт.

— Что такое паспорт?

— Бумага, подтверждающая, что государство знает о твоём существовании.

— Регистрационный знак.

— Только без магии и с фотографией, на которой ты похожа на человека, разочарованного в собственном рождении.

Мы прошли мимо меняльной лавки. За решёткой сидело существо с четырьмя руками и пересчитывало монеты одновременно в двух стопках. Я попыталась не смотреть слишком явно. Оно посмотрело всеми тремя глазами.

— Первый раз видишь хесса? — спросило существо.

— Первый.

— Нравлюсь?

— С такой скоростью подсчёта вы мечта любого работодателя.

— Она не местная, — сказал Рен.

— Догадался по обуви.

Даже другой вид счёл нужным оскорбить мои кеды. Рен свернул с главной улицы к зданию, над которым висел знак синего моста.

— Гильдия путей, — объяснил он. — Нужно передать сумку Тарела.

Внутри пахло мокрой кожей, металлом и дорожной пылью. На стенах висели карты, живые линии двигались по ним, показывая караваны. У стойки дремал толстый мужчина. Увидев кровь на куртке Рена, он сразу проснулся.

— Где Тарел?

Рен положил сумку.

— Вдовый овраг. Патруль уже отправлен.

Мужчина снял шапку.

Из соседней комнаты вышла девочка лет двенадцати с чернильными пятнами на пальцах.

— Дядя Тарел вернулся?

Никто не ответил сразу. Рен опустил голову перед ней, хотя она заставила его поморщиться.

— Нет, Эса.

— Он обещал привезти стеклянную птицу.

— Знаю.

— Опять задержится?

Рен посмотрел на сумку.

— Он не вернётся.

Девочка не заплакала. Просто стала очень неподвижной.

— Рысья стая?

— Рыскари.

— Он был один?

Рен взглянул на меня.

— В конце — нет, — ответила я. — Мы были рядом.

Эса кивнула, будто это было важно. Потом забрала сумку и ушла в соседнюю комнату, прижимая её к груди. Толстый мужчина за стойкой записал что-то в книгу.

— За тело заплатит гильдия. Семье положена дорожная доля.

— Проверь, чтобы не списали щит как личный расход, — сказал Рен.

— Распорядитель уже пытался.

— Тогда передай ему: Тарел активировал купол ради сохранения гильдейских писем и каравана.

— Передам.

— Письменно.

Мужчина кивнул.

Когда мы вышли, я спросила:

— Девочка — его дочь?

— Племянница. Ученица писаря.

— Я сказала ровно то, что мы обсуждали.

— Это была правда.

— Да.

Город вокруг продолжал жить. Проносились экипажи, торговцы звали покупателей, где-то смеялись. Смерть Тарелла ничего не остановила. Но в одном здании девочка держала его сумку, и от этого мир становился настоящим сильнее любого волшебства.

— Ты разговариваешь с освещением, — заметил Рен.

— Оно воспитаннее некоторых.

Чем выше мы поднимались, тем больше становилось людей и света. Магия здесь не выглядела торжественной. Никто не размахивал посохами и не выкрикивал древних слов, чтобы вскипятить чайник. Она была частью города — как электричество, лифты и реклама у меня дома.

На перекрёстке спорили две девушки. Одна щёлкала пальцами, и её волосы меняли цвет от синего к золотому. Вторая держала перед собой маленькое зеркало, которое повторяло каждую её фразу голосом недовольной старухи.

— Это классовые умения? — спросила я.

— Бытовые Формы.

— А класс тогда зачем?

— Он определяет, какие Формы человек проводит безопаснее всего, как растут характеристики и какой тип маны ему доступен.

— То есть профессия, характер и медицинская карта в одном окне?

— Очень грубо.

— Зато понятно.

Мы остановились у здания с вывеской в форме сплетённых ветвей. Внутри пахло травами. Над дверью серебром было выведено: **Дом узоров Иары Венн.**

— Целитель? — догадалась я.

— Да.

— Ты же говорил, до города дойдёшь.

— Я дошёл.

— А теперь собираетесь эффектно упасть?

Рен открыл рот, но вместо ответа побледнел и схватился за стену.

Дверь распахнулась сама.

На пороге появилась высокая женщина в длинной серой рубашке. Тёмные волосы были коротко острижены, на переносице сидели очки с тремя сменными стёклами. Она осмотрела Рена, кровь и меня.

— Внутри, — приказала женщина.

— Рад тебя видеть, Иара.

— Если испачкаешь мне порог, радость будет короткой.

Она подхватила его с другой стороны. Мы довели Рена до узкой кушетки. Иара одним движением разрешила куртку вокруг раны. Над её ладонями распустились зелёные нити. Они вошли в кожу, и я увидела внутренний рисунок тела:

сосуды, мышцы, тонкие светящиеся каналы.

— Две стягивающие печати подряд, — процедила Иара.
— Кто тебя учил пользоваться лечебными расходниками?

— Инструкция.

— Её писал артефактор, который продавал печати.

— Это многое объясняет, — вставила я.

Иара подняла голову.

— А вы кто?

— Причина, по которой он не стал ужином.

— И половина причины, по которой рана открылась, — сказал Рен.

— Вторая половина — его привычка строить мосты из света над бездонной ямой.

— Лея, — произнёс он устало, — это Иара Венн. Иара, Лея из очень далёкой области, где люди намеренно портят одежду.

— Давайте сразу на «ты», — сказала Иара. — Если в моём доме кто-то истекает кровью, церемонии отменяются.

— Не области, — сказала я.

Рен посмотрел на меня. Я поняла, что больше не хочу изображать уверенность. Не здесь, рядом с женщиной, которая держала чужое сердце зелёными нитями.

— Я не знаю, где нахожусь. Не знаю, что это за мир и как вернуться домой. Я прошла через дверь. Просто дверь в квесте, а за ней оказался лес.

Иара замерла.

Одна из нитей дрогнула, и Рен зашипел.

— Прости.

Она восстановила рисунок и только потом спросила:

— Как назывался мир?

— Земля.

Ни узнавания, ни испуга. Только профессиональный интерес.

— В Своде есть более сорока областей с таким бытовым названием.

— У нас не область. Планета.

— Планета? — переспросил Рен.

— Большой шар, который летает вокруг звезды.

Иара и Рен переглянулись.

— Что?

— Здесь считают иначе? Земля плоская? На черепахе?

— Эллар тоже шар, — сказала Иара. — Но миром мы называем не поверхность, а замкнутый слой Ткани. Другие слои существуют. Переходы между ними закрыли после Распада.

— Значит, можно открыть обратно.

— Теоретически.

— Мне подходит теория.

Иара закончила с раной. Зелёные нити погасли, оставив на боку Рена тонкий розовый шрам.

— Твой переход оставил метку?

— Только вот это.

Я вызвала интерфейс и вслух прочитала строку о не классифицированном внешнем источнике. Иара попросила повторить точную формулировку. Потом ещё раз. Её интерес перестал быть профессиональным и стал почти голодным.

— Завтра пойдём в Палату классов, — сказала она.

— Я уже пообещал управе, — ответил Рен.

— А если там меня арестуют?

— Тогда твоё происхождение определяют бесплатно, — сказала Иара.

— Удивительная система скидок.

Она дала Рену горькое зелье, мне — полотенце и чистую рубашку. Рубашка доходила до колен и пахла сушёной мятой. Перед сном она накормила нас. Кухня находилась прямо над лечебной комнатой. На плите стоял глиняный горшок, который сам помешивал суп деревянной ложкой. Хлебница отрезала ровные ломтики, если попросить вежливо, и захлопывалась перед теми, кто требовал.

Рен сказал:

— Хлеб.

Крышка не открылась.

— Пожалуйста, — добавил он.

Хлебница выдала самый тонкий кусок.

— Даже мебель считает тебя неприятным, — сказала я.

Мой ломтик оказался вдвое толще.

— Она реагирует на интонацию, — объяснила Иара.

— Значит, у него нет шансов.

Рен был слишком уставшим, чтобы спорить. Суп напоминал куриный, только кусочки мяса иногда светились. Я осторожно попробовала.

— Что это?

— Пещерный бегун, — сказала Иара.

Я посмотрела на Рена, ожидая подвоха.

— Правда, — подтвердил он.

— У него сколько ног?

— До приготовления — восемь.

Я отложила ложку.

— Ты ела существ с клешнями, плавниками и щупальцами, — заметила Иара. — Почему количество ног имеет значение?

— Потому что курица никогда не пыталась догнать человека восемью способами.

Горшок обиженно перестал мешать.

— Оно чувствует критику? — спросила я.

— Артефактор добавил слабую эмпатию, чтобы пища не пригорала.

— И теперь кастрюля переживает из-за отзывов.

— Магия в быту всегда создаёт неожиданные проблемы, — сказала Иара. — Люди думают только об удобстве.

Она коснулась ложки, горшок снова заработал.

— Например?

— Самоубирающие метёлки научились прятать мусор в соседних домах. Тёплые одеяла отказывались отпускать вла-

дельцев зимой. Один мастер создал сапоги, которые всегда находят кратчайший путь.

— Звучит полезно.

— Они не учитывали стены.

— Понятно.

— После этого Конкордат ввёл проверку даже бытовых Форм.

— Значит, где-то существует человек, который официально отвечает за опасные одеяла и сапоги, пробивающие стены.

— Целый отдел, — сказала Иара.

— Успокаивает только слово «целый».

Рен едва заметно улыбнулся. Мы ели дальше. В обычной кухне магического города невозможность происходящего немного отступила. Люди спорили с хлебницей, переживали из-за оплаты лечения и уставали после работы. Мир был чужим, но не полностью непонятным.

— Сколько я тебе должна? — спросила я Иару.

— За лечение — ничего. Ты не мой пациент.

— Удобно.

— За рубашку, еду и уничтоженную защитную печать утром посчитаю.

— А жить здесь?

— До регистрации.

— Потом?

— Потом у тебя будет класс, право на работу и возможность снять комнату.

— А если класса не будет?

Иара отложила ложку.

— У людей без класса есть временный статус. Обычно это тяжёлая травма или системное наказание.

— Как к ним относятся?

Рен ответил:

— Как к сломанным.

— Очень обнадёживает.

— Поэтому определитель обязан дать результат, — сказала Иара.

— А если я не помещаюсь ни в один?

Она посмотрела на меня с тем самым научным интересом.

— Тогда завтра станет интересным.

— Начинаю скучать по моменту, когда интересным был только рыскарь.

Пока Рен спал под обезболивающей Формой, Иара отвела меня в маленькую комнату на втором этаже. Там стояли кровать, умывальник и окно с видом на мосты. Рядом находилась ванная. Не просто таз, а настоящая медная ванна, над которой плавали три руны: горячая вода, холодная и пена. Иара объяснила управление и оставила меня одну.

Я нажала горячую.

Ванна наполнилась за несколько секунд. Вода появлялась прямо из воздуха, пахла мятой и не остывала. После леса, крови и дороги это показалось самой убедительной причиной остаться в Элларе. Я сняла одежду и увидела все по-

вреждения разом: синяки на рёбрах, порезы, обожжённую бровь, распухшее колено. Интерфейс терпеливо подсветил каждое.

Лёгкое переохлаждение.

Поверхностные повреждения кожи: 14.

Термическое повреждение волос: восстановление не предусмотрено базовой регенерацией.

— Спасибо. Без последней строчки не пережила бы.

Я опустилась в воду. Грязь растворилась, не оставляя следов. Руна пены вопросительно мигнула.

— Давай.

Через секунду из ванны вылезла гора пены до потолка.

— Стой!

Пена перестала расти.

Я уставилась на руну.

— Значит, у крана команду остановки ты понимаешь.

Пришлось выбираться через белые облака. На полу они сами собирались в шарики и прыгали обратно в ванну. Иара оставила чистую одежду: мягкие штаны, рубашку и домашние туфли. Всё было немного велико. Мои джинсы она забрала «для удаления лесных спор». Я подозревала, что заодно она исследует молнию и фабричные швы.

Телефон отозвался только после того, как я несколько минут грела его в ладонях. Экран мигал, половина значков исчезла, связи не было, но диктофон открылся. Заряда оставалось сорок семь процентов — достаточно, чтобы сохранить

слова, которые пока некому отправить. Я поставила телефон на подоконник, направила к ночному небу и включила запись.

— Мам, я не приеду вечером. Тут возникли обстоятельства. Большие, магические и с зубами. Я помню, что обещала поговорить. Если найду способ отправить это... в общем, со мной пока всё нормально.

Я остановила запись.

Потом включила снова.

— И да. Прости, что снова не ответила нормально. Я испугалась. Учёбы, будущего, того, что выберу не то. Вот. Оказывается, я умею говорить без шутки. Просто понадобился другой мир.

Телефон погас.

Я положила его экраном вниз. На подоконнике лежала плоская стеклянная пластина.

— Что это?

— Гостевой справочник, — ответила пластина. — Он отвечает на простые вопросы о городе и Своде.

— Наконец-то техника, которая знает своё назначение.

Я положила ладонь на стекло.

Назовите запрос.

— Способ вернуться в исходный мир.

Пластина засветилась. По ней пробежали десятки строк.

Переход между закрытыми слоями Ткани невозможен без действующего узла.

Ближайшие пространственные узлы: отсутствуют.

Функция возврата: отсутствует.

— Поиск действующего узла.

Недостаточно прав.

— Как получить права?

Зарегистрировать класс и подтвердить статус пользователя.

Я убрала руку.

Получалось, чтобы найти путь домой, мне нужно было сделать именно то, чего велел избегать ведущий. За окном проплыл ночной мост. На нём стояли люди, смеялись и держали бумажные фонарики. Внизу сверкала река. Где-то далеко играла музыка.

Город был настоящим.

Мир тоже.

А моего не было даже на карте. Я легла, натянула одеяло до подбородка и впервые позволила себе подумать о доме. О маме, которая утром обнаружит, что дочь не отвечает. О Насте, чей звонок оборвался. О полиции, камерах, закрытом квесте и моей куртке, оставшейся в шкафчике.

Слёзы подступили неожиданно.

Я прикусила губу и отвернулась к стене, хотя в комнате никого не было. На границе зрения вспыхнуло маленькое окно.

Обнаружено нестабильное эмоциональное состояние.

Желаєте активировать успокаивающую Форму?

— Нет.

Доступные Формы отсутствуют.

— Тогда зачем спрашивать?

Предложение сформировано на основе ожиданий пользователя.

Я села.

— Ты подстраиваешься под меня?

Ответа не было.

— Как мне вернуться на Землю?

Функция недоступна.

— Кто открыл дверь?

Недостаточно прав.

— Кто ты?

Долгая пауза.

Локальный интерфейс Свода.

— А Свод?

Строки дрогнули.

Свод определяет допустимое.

— Очень обнадёживает.

Окно закрылось.

Я легла снова. Сон не приходил. Перед рассветом на соседней башне пробили часы. Одновременно во всём Вере не погасли фонари, а потом вспыхнули золотым. Где-то под городом ответил низкий удар. Тот же звук я слышала за последней дверью.

Глава 5. Класс не найден

Утром выяснилось, что конец привычной жизни не освобождает от очередей. Палата классов занимала круглое здание в центре Верена. Перед входом стояли торговцы справочниками, амулетами удачи и пирожками. Люди выстроились в три ряда: на первичное определение, подтверждение уровня и смену классовой специализации.

— Класс можно сменить? — спросила я.

— Специализацию, — поправила Иара. — Основу Свод определяет один раз.

— А если определит плохо?

— Можно подать прошение о пересмотре.

— И?

— Через двадцать лет его рассмотрят.

Я оглядела очередь.

— Вижу, местная бюрократия тоже относится к вечным силам мироздания.

Рен пришёл с нами, хотя Иара велела ему провести день в постели. Он надел чистую тёмную куртку и двигался осторожно, стараясь не показывать боль. Получалось плохо.

— Ты мог остаться, — сказала Иара в третий раз.

— Я поручитель.

— Ты пациент.

— Уже нет.

— Отсутствие открытой раны не делает тебя здоровым.

— А отсутствие радости не делает тебя приятнее, — заметила я.

Они одновременно посмотрели на меня.

— Простите. Хотела помочь.

Внутри Палаты было светло и прохладно. Под куполом плавали стеклянные таблички с номерами. Когда подходила очередь, нужная табличка звенела и летела к посетителю. Наша оказалась сто восемьдесят четвёртой.

— Сколько ждать?

— Часа три, — ответил Рен.

Я посмотрела на него.

— А магией нельзя сделать быстрее?

— Можно. Форма ускоренного обслуживания стоит двенадцать серебряных.

— Деньги сокращают время даже между мирами.

Пока мы ждали, я наблюдала за определениями. В соседнем круге мальчик лет тринадцати приложил руки к небольшому кристаллу. Над ним вспыхнуло:

Класс: Хранитель искр. Потенциал: высокий.

Его семья заплодировала. Мать обняла сына, отец немедленно начал обсуждать Академию стихийных проводников. Через несколько человек вошла девочка примерно того же возраста. Она была в дорогом платье, рядом стояли двое суровых мужчин с одинаковыми серебряными пряжками.

Кристалл показал:

Класс: Слушающая Эхо. Потенциал: не определён.

Один из мужчин выругался.

— Повторить, — потребовал он.

Регистратор повторил. Результат не изменился. Девочка смотрела в пол.

— Это класс некромантов, — шепнул Рен.

— Она будет поднимать мёртвых?

— Эхо — не мёртвые. Отпечатки памяти. Но люди редко различают.

Отец девочки уже требовал закрытого пересмотра и называл результат позором рода.

— Ты говорил, класс не решает судьбу.

— Не должен.

— Но решает.

— Часто.

Девочка проходила мимо нас. На секунду подняла глаза. В них было столько стыда, будто она сама выбрала стать семейной катастрофой. Я хотела сказать ей что-нибудь. Незнакомое, смешное, успокаивающее. Но вспомнила горящие волосы и промолчала.

Иара заметила.

— Иногда класс действительно ошибается, — тихо сказала она.

— А пересмотр двадцать лет.

— Если ошибка удобна системе — дольше.

Рен нахмурился.

— Не начинай.

— Я ответила на вопрос.

— У меня их стало больше, — сказала я. — Почему класс вообще определяют в детстве?

— В этом возрасте каналы принимают устойчивую форму, — объяснила Иара. — Свод сопоставляет склонности, структуру маны и доступные пути развития.

— А характер?

— Учитывается.

— Получается, один плохой день может определить всю жизнь?

— Теоретически нет.

— Ты опять сказала это слово так, будто практику лучше не обсуждать.

На другой стороне зала пожилой мужчина подтверждал повышение уровня. Над ним вспыхнуло **62**, люди вокруг уважительно расступились. Следом женщина в рабочем фартуке получила пятый уровень, и никто не обратил внимания. Цифры здесь были не просто подсказкой. Они определяли, как с тобой разговаривают, какую дверь откроют, поверят ли твоим словам. Я посмотрела на собственный третий уровень.

Даже если регистратор не найдёт другой мир, он точно найдёт причину не считать меня серьёзной. Перед определением требовалось заполнить анкету. Нам выдали лист, перо и маленькую латунную жабу.

— Зачем жаба? — спросила я.

— Квакает на ложь, — ответил Рен.

— Это законно?

— В Палате — обязательно.

Первый вопрос: **Полное имя и род.** Я написала «Лея». Жабa молчала. Добавила фамилию, которой пользовалась на Земле. Буквы исчезли, будто бумага не могла удержать незарегистрированное родовое имя.

— Даже анкета против.

Второй вопрос: **Место рождения.**

«Караганда».

Жабa икнула серебряным пузырьём. Третий: **Известные классы родителей.** Я написала «нет». Жабa заквакала так громко, что люди обернулись.

— У них правда нет классов.

— Она считает ответ неполным, — сказала Иара. — Напиши, что в мире происхождения классы отсутствуют.

Я написала.

Жабa замолчала, но отодвинулась от листа.

— Кажется, я разрушила её веру в устройство мира.

Дальше спрашивали о проклятиях, договорах с духами, наследственных долгах, участии в некромантических обрядах и согласии на посмертное использование Эха.

— Последнее обязательно?

— Можешь отказаться, — сказал Рен.

Я поставила отметку «нет».

Жабa одобрительно кивнула.

— Хотя в чём-то мы понимаем друг друга.

Последним стоял вопрос:

Известны ли вам обстоятельства, способные повлиять на определение класса?

Я посмотрела на Рена. Он едва заметно покачал головой. Написала: «Потеря памяти после дорожного происшествия».

Жаба открыла рот.

Я быстро добавила: «Возможно». Она издала неопределённый хрип и решила не вмешиваться.

— Бюрократию можно победить сомнением, — сказала я.

— Не радуйся раньше времени, — ответила Иара. — Анкета ещё пойдёт к регистратору.

Перо само поставило внизу отметку:

ДАННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИВЫ. ТРЕБУЕТСЯ РАСШИРЕННАЯ ПРОВЕРКА.

— Очень полезная формулировка, — заметила я. — Ничего не объясняет и оправдывает любую неприятность.

Денег у меня не было. Мои банковские карты Иару заинтересовали как образцы неизвестного материала, но купить на них пирожок не удалось. Рен одолжил мне две медные монеты. Продавец завернул горячую выпечку в лист, который сам держал тепло. Начинка оказалась фиолетовой и сладкой.

— Что это?

— Лунная репа.

Я перестала жевать.

— Шучу, — сказал Рен. — Лесная ягода.

Он всё-таки умел. Просто пользовался редко и без предупреждения. Через два часа табличка звякнула над моей головой. Мы вошли в зал определения. Посередине стоял хрустальный прибор высотой с меня. Он напоминал шкаф со стеклянными дверцами, только внутри вместо полок вращались кольца, а на вершине торчали золотые усики. За столом сидел худой мужчина с идеальным пробором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.